

*Копьева А.А.,
преподаватель кафедры русского языка
Военная академия ВКО им. Г.К. Жукова
Россия, г. Тверь*

*Миралиев С.З.,
курсант специального факультета
Военная академия ВКО им. Г.К. Жукова
Россия, г. Тверь*

ПАРЕМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ О ВОЙНЕ В РУССКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

***Аннотация:** Статья посвящена анализу паремий о войне в таджикской и русской лингвокультурах. В работе определены сходства и различия в семантической структуре пословиц о войне в двух культурах.*

***Ключевые слова:** Концепт, война, паремии (пословицы), лингвокультура.*

***Annotation:** The article is devoted to the analysis of the war-parameria in Tajik and Russian linguistic cultures. The work identifies the similarities and differences in the semantic structure of proverbs about the war in two cultures.*

***Key words:** Concept, war, paremias (proverbs), linguistic culture.*

В настоящее время изучение различных языковых концептов приобрело особую актуальность. Существует значительное количество работ, в которых на базе сопоставления пословиц разных языков анализируется понятие "война". Однако исследования, посвященные сравнению русских и таджикских паремий о войне, отсутствуют. Это определяет новизну и актуальность нашей научной работы.

В сравнительном исследовании паремий двух лингвокультур мы опирались на классификацию А.В. Кунина [1]. Основу данного подхода

составляет идея о наличии в паремиологических фондах разных языков пословиц и поговорок, которые могут являться: 1) полными лексико-семантическими эквивалентами; 2) частичными лексическими или частичными грамматическими эквивалентами; 3) аналогами, которые, будучи адекватными по значению, отличаются по образной основе полностью или частично.

В паремических единицах языковая картина мира конструируется в концептах. Согласно точке зрения Ю.С. Степанова, концепт – «это как бы сгусток культуры в сознании человека...» [2]. Одним из базовых концептов оказывается ментальное образование "война". В современных научных трудах описывается такой метод изучения концепта, как выделение отдельного семантического поля «война», включающего в себя различные лексико-тематические группы. Методику лингвистического описания концепта через построение семантического поля предлагает современный исследователь О.М. Буракова [3], однако ученый опирается на полевую модель языка, разработкой которой занимались В. П. Абрамов, Л. В. Быстрова, Т. Н. Данькова, Е. И. Диброва, Н. Ю. Донченко, Ю. Н. Караулов, Н. Д. Капатрук и др.

Изучение сложного концепта «война» мы проводили через установление лексико-тематических групп «Враг», «Насилие, гибель», «Мужество» и «Война». Данный подход выбран по ряду причин: во-первых, рассмотрев около 100 таджикских паремий из сборника Я.И. Калонтарова «Мудрость трех народов» [4], мы обнаружили только 23 таджикские пословицы о войне; во-вторых, в этом корпусе текстов практически отсутствуют пословицы, в которых война – целостный образ, событие и процесс, что формально проявляется в отсутствии лексемы «война» в структуре данных текстов. В нашем исследовании были использованы сборники В.И. Даля «Пословицы русского народа» [5] и Ю.Г. Круглова «Русские народные загадки, пословицы, поговорки» [6].

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что все 23 таджикские пословицы не имеют полных лексико-семантических эквивалентов в русском языке, а среди всех четырех групп обнаружено только 3 частичных

русских лексико-семантических эквивалента и 10 русских семантических аналогов.

В первой лексико-тематической группе «**Враг**» выделено 8 таджикских паремий, среди них 2 высказывания обладают частичными русскими эквивалентами, а 4 пословицы имеют русские смысловые аналоги, поэтому можно утверждать о наличии сходных представлений в русской и таджикской картинах мира.

В обеих лингвокультурах враг воспринимается в оппозиции «враг/друг», в которой утверждается ценность дружбы, помогающей преодолеть противника, и сокрушительное воздействие каждого врага. Общее значение 'Друзья помогают победить врагов' наблюдается в следующих выражениях:

Таджикская пословица: «Мехоҳед душманонро мағлуб кунед — дӯстони худро аз даст надихед» (перевод: «Хочешь победить врагов — не упускай друзей») [4]. Русский семантический аналог: «Где дружбой дорожат, там враги задрожат» [6].

Ряд пословиц свидетельствует об общем осторожном отношении к противнику, которое можно сформулировать как: «Нельзя недооценивать своего врага». Это значение проявляется в следующих паремиях: таджикская пословица «Рафтан ба шикори фоҳиша — забт кардани шер» (перевод: «Идешь охотиться на лисицу — захвати оружие на льва») [4]. Русский аналог: «Если враг кажется мышью, смотри на него, как на льва» [6].

Для таджикской картины мира характерен призыв не вступать в бой с врагом при отсутствии сил: ««Агар дар мубориза бо душман қуввае набошад, бехтараш чашми ўро нарасонед» (перевод: «Если нету сил с врагом в бою сражаться, лучше на глаза ему не попадаться») [4]. В русском языке нет аналога данному выражению.

Следующая тематическая группа описывает концепт "война" с тематических позиций смерти и насилия, поэтому этот лексический корпус называется «**Насилие, гибель**». В данной группе выделяется 9 уникальных таджикских пословиц: не найдено ни полных лексико-семантических

эквивалентов в русском языке, ни частичных эквивалентов. Только 3 таджикским выражениям соответствует 3 семантических русских аналога, однако обнаруженные смысловые сходства объясняют существование общих взглядов на войну.

Для таджикской лингвокультуры характерен призыв к миру, насилие над врагом оценивается негативно, поскольку зло отражается на всех участниках военных действий: «Кордро аввал ба худаш гузоред - агар дард накунад, пас ба дигаре» (перевод: «Вонзи сначала нож в себя – если не больно, тогда уж в другого») [4], «Як тир – ду ҳадаф» (перевод: «Одна стрела – две цели») [4]. В русской культуре, несмотря на наличие призыва к миру, допустимо проявление жестокости по отношению к неприятелю: «С недруга – хоть шапка долой» [6, с. 257].

Для русского этнокультурного сознания недопустимо насилие над безвинным человеком, однако на войне внимание концентрируется на уничтожении сил противника, в то время как в таджикской картине мира провозглашается максимальное внимание к жертвам военных действий и мирным гражданам: «Начоти ҳаёти шахс аз бунёди масҷид беҳтар аст» (перевод: «Сохранить жизнь человека – лучше, чем построить мечеть») [4].

В таджикской лингвокультуре утверждается ценность собственной жизни и необходимость ее сохранения: «Беҳтар аст сари худро дар кулоҳ нигоҳ доред, на турбоне бе сар» (перевод: «Лучше сберечь голову в шапке, чем чалму без головы») [4]. В то время как в русской провозглашается: «За край свой насмерть стой» [6, с. 117].

Идентичным для обеих лингвокультур оказывается жестокое отношение к неприятелю, виновному в начале военных действий. «Ҳар касе ки тухми бадӣ мекорад, дарвозаҳои азобро мекушояд» (перевод: «Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели») [4]. Таджикской паремии соответствует русский семантический аналог: «Кому мир не дорог, тот нам и враг» [6, с. 118].

В третью группу «**Война**» входит всего 2 таджикские пословицы. Таджикские паремические единицы данной группы не имеют полных лексико-

семантических эквивалентов в русском языке, как не имеют и частичных лексических и грамматических соответствий, однако к обеим таджикским паремиям можно подобрать семантически близкие русские аналоги. Так, первая пословица «Шамшер чанг мекунад, савдо – пул» (перевод: «Войну делает меч, торговлю – деньги») [4] не имеет аналога в русском языке, однако по смысловому компоненту 'бой' ее можно сравнить с русским выражением «Война кровь любит» [6, с. 118]. Поэтому в обеих языковых картинах мира присутствует взгляд на войну как на кровавое и разрушительное событие.

В обеих картинах мира существует сходное отношение к войне как к длительному процессу, положительный исход которого зависит от проявленного терпения. Это подтверждают пословицы: таджикская – «Пурсабрӣ ва пирӯзӣ – ду дӯсти кӯҳна» (перевод: «Терпение и победа – два старинных друга») [4], русская – «Всякое дело терпением одолеть можно», «Терпение и труд все перетрут» [6].

Последняя лексико-тематическая группа «**Мужество**» включает в себя 3 таджикские паремии. Выражения данной группы не имеют полных лексико-семантических эквивалентов в русской лингвокультуре, однако 1 таджикская пословица находит русский частичный лексико-грамматический эквивалент, а 2 других паремии имеют отдаленные семантические русские аналоги.

В русской и таджикской лингвокультурах смелость мужчины – личное качество, которое наделяет своего носителя силой и даёт высокий шанс на победу. Так, таджикскому выражению «То даме ки шумо мехнат накунед, ба некӣ ноил намешавед, дар ҳоле ки аз марг метарсед, душманро мағлуб нахоҳед кард» (перевод: «Пока не трудишься – ты не достигнешь блага, пока боишься смерти – не победишь врага») [4] соответствует русский аналог «Победит тот, кто не дрогнет» [6].

Следующее таджикское выражение расширяет понимание мужества как качества личности: «Далер бошед – шумо қавӣ хоҳед шуд» (перевод: «Будь мужественным – станешь сильным») [4]. В синтаксической модели этого изречения моделируется условие достижения силы, необходимой в бою: качественное прилагательное «мужественный», образованное от

существительного «мужество», отсылает к личностной характеристике. Образуется значение высказывания 'мужество – сила', которое лексически однозначно выражается в частичном лексико-грамматическом русском эквиваленте: «Мужество – это сила» [6].

Таким образом, для обеих лингвокультур война – жестокое и страшное событие, но это многогранное явление, отдельные элементы которого выражаются в различных лексико-тематических группах и различными способами в русском и таджикском языках, однако структура концепта «война» является общей в сознании обеих культур.

Существует несколько таджикских паремических единиц, не имеющих полного и частичного эквивалента в русской лингвокультуре, а также отдаленного семантического аналога. Именно эти уникальные паремии определяют национальную специфику концепта "война". Например, в таджикском языке есть пословица «Агар дар мубориза бо душман куввае набошад, бехтараш чашии ӯро нарасонед» (перевод: «Если нету сил с врагом в бою сражаться, лучше на глаза ему не попадаться») [4]. У таджикской паремии «Наҷоти ҳаёти шахс аз бунёди масҷид бехтар аст» (перевод: «Сохранить жизнь человека – лучше, чем построить мечеть») [4] отсутствует русский эквивалент. Отсутствует межъязыковое соответствие и у таджикской пословицы из группы «Война»: «Шамшер чанг мекунад, савдо – пул» (перевод: «Войну делает меч, торговлю – деньги») [4].

Проведенный анализ говорит о том, что русский и таджикский языки содержат большое количество аналогов и частичных эквивалентов. В паремиях о войне отразились общенациональные ценности двух народов. Например, в обеих культурах диктуется однозначное непростительное отношение к врагу, виновному в начале военных действий. Однако не менее важны и высказывания, которые не имеют эквивалентов. Именно эти уникальные паремии определяют национальную специфику концепта "война".

Использованные источники:

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Ок. 20000 фразеологических единиц / А.В. Кунин. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 942 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М., 2001. – 316 с.
3. Буракова О.М. Методика лингвистического описания концепта через построение семантического поля [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lingvisticheskogo-opisaniya-kontseptacherez-postroenie-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 17.01.2020).
4. Калонтаров Я.И. Мудрость трех народов. – Панду хикмати се халк. – Учхалкнингхикматлари: (Сборник) (Отв. Ред. Б. Тилавов). – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. / [Худож. Г. Клодт]. – М.: Худож. лит., 1984.
6. Русские народные загадки, пословицы, поговорки / Сост., авт. вступ. статей, коммент. и слов. Ю.Г. Круглов; Худож. Р. Ж. Авотин. – М.: Просвещение, 1990. - 335 с.